

Ученик убийцы

*Его, в чьих жилах течет королевская кровь,
ждала дорога убийцы, преданно исполняющего
чужие приказы...*

Глава 1

Предыстория

История Шести Герцогств неразрывно связана с историей правящей династии Видящих. Повествование об этой семье следовало бы начать с времен стародавних, задолго до основания Первого герцогства. Если бы до нас дошли имена дальних предков наших королей, мы знали бы, как звали тех пиратов, что совершали разбойничьи набеги и грабили побережье, где земли были не столь бесплодными и неприветливыми, как обледенелые скалы их родины – Внешних островов. Но история не сохранила их имен.

Что же до первого настоящего короля, то и о нем известно не много – только как его звали и несколько странных легенд. Тэйкер Завоеватель – таково было его имя. Возможно, именно от него пошла традиция, согласно которой сыновья и дочери его рода получали вместе с именами судьбы и характеры. В народе верят, что эти имена присваиваются новорожденным посредством магического обряда и после этого королевские отпрыски не в силах изменить уготованную им стезю. От роду детям-избранникам предначертано не бояться ни огня, ни воды, ни студеного ветра. Так говорят. Красивая сказка.

Возможно, когда-то и впрямь при наречении отправляли магические обряды. Но достаточно заглянуть в исторические хроники, чтобы понять: имя, данное при рождении, далеко не всегда определяет всю дальнейшую судьбу человека.

Мое перо дрожит, потом выпадает из рук, оставляя извилистый след на бумаге Федврена. Испорчен еще один драгоценный лист. Впрочем, наверное, эта попытка все равно была обречена на провал, как все предыдущие. Не знаю, смогу ли я закончить свой труд или каждая страница будет пропитана жгучей горечью, ядом, который, как мне казалось, давно выветрился. Я полагал, что излечился от гнева и ненависти, но стоит мне взяться за перо, как боль и обида мальчика сочатся на бумагу вместе с чернилами, пока мне не начинает казаться,

что каждая аккуратная черная буква берedit старую незаживающую рану.

И Федврен, и Пейшенс весьма воодушевились идеей написания истории Шести Герцогств. Было решено, что попробовать стоит, попытка не пытка, лишь бы у меня хватило сил. Работа отвлечет меня, поможет занять время, и я забуду о горечи и боли. Я позволил убедить себя, что так оно и будет. Но каждое историческое событие, которого я касаюсь в своей рукописи, только пробуждает к жизни мрачные тени моего одиночества и потерь. Боюсь, мне придется отложить эту работу, иначе она воскресит все то, что сделало меня тем, кто я есть теперь. Я начинаю снова и снова, но каждый раз обнаруживаю, что пишу скорее о собственных истоках, чем об истоках этой земли. Не знаю даже, кому я пытаюсь объяснить себя. Моя жизнь была паутиной тайн, тайн, которые даже сейчас небезопасно поверять бумаге. Стоит ли писать о них только для того, чтобы превратить в пламя и пепел? Кто знает...

Я помню себя с шести лет. До этого не было ничего – только пропасть, которую я не могу преодолеть, как бы сильно ни напрягал память. Ранее того дня в Мунсее нет ничего. Зато все, что происходило потом, я помню с удивительной отчетливостью. Иногда мои воспоминания настолько подробны, что я даже начинаю задумываться, мне ли они принадлежат. Были ли все эти события запечатлены в моей собственной памяти или же картины прошлого складываются у меня из рассказов кухонной прислуги и несметного множества мальчишек-грумов, объяснявших друг другу мое появление? Возможно, я слышал эту историю так часто и из стольких источников, что теперь вызываю ее в памяти как собственные воспоминания? Может быть, эти подробности – результат открытого восприятия шестилетнего мальчугана? Или это шутит со мной яркое покрывало Силы и снадобий, которые приходится принимать, чтобы контролировать свою привычку к ней, – снадобий, которые сами по себе вызывают боль и привыкание? Все может быть. Остается надеяться, что дело все-таки не в снадобьях.

Воспоминание столь яркое, что я будто снова вижу и чувствую все это: холодные сумерки уходящего дня, безжалостный дождь, под которым я вымок до нитки, ледяной булыжник причудливых городских улиц и даже мозолистую грубость огромной руки, сжимающей мою ладонь. Иногда я думаю об этой руке. Она была твердая и шершавая

и крепко стискивала мою ладонь, и все же она казалась мне теплой и незлой. Просто сильной. Она не давала мне упасть, когда я поскользнулся на обледеневших улицах, но не давала и избежать уготованной участи. Она была беспощадной, как холодный серый дождь, покрывавший ледяной глазурью исхоженную, засыпанную гравием дорожку перед огромной деревянной дверью массивного здания, которое возвышалось в центре города, как настоящая крепость.

Двери были высокие – даже для взрослого, не говоря о шестилетнем мальчике. Великан мог бы войти в них, не нагибаясь, а широкоплечий крепыш, который башней возвышался рядом со мной, казался на пороге этих дверей просто карликом. И мне, шестилетнему, они были удивительны, хотя я и не помню, как выглядели двери, которые были привычными для меня в раннем, забытом ныне детстве. Деревянные резные двери, обитые железом, украшенные головой оленя и сверкающим дверным молотком, не были похожи ни на что, виденное мною прежде. Я вспоминаю, что одежда моя промокла, а ноги превратились в ледышки. И тем не менее я не помню ни того, как долго шел по размокшей слякоти уходящей зимы, ни того, что меня несли на руках. Нет. Все начинается здесь, на пороге каменного укрепленного дома: мы стоим на крыльце, и моя маленькая рука крепко стиснута в ладони высокого человека.

Почти как начало кукольного представления. Да, именно так это видится мне. Занавес поднялся, и мы оказались перед огромной дверью. Старик, что держал меня за руку, поднял медный молоток и обрушил его на железную пластину – один удар, второй, третий. Металл откликнулся гулким звоном. И потом раздался голос – не из дверей, а сзади, там, откуда мы пришли.

– Отец, прошу тебя... – молила женщина.

Я обернулся, чтобы посмотреть на говорящую, но снова пошел снег, кружевной завесой он цеплялся к ресницам и укутывал рукава. Не могу вспомнить, разглядел ли я кого-нибудь, но уверен, что не пытался вырваться от этого старика и не звал мать. Я просто стоял и смотрел, словно зритель на кукольном представлении, и слышал стук сапог в доме и скрип отодвигаемого засова.

Она предприняла еще одну, последнюю, попытку. Я до сих пор отчетливо слышу ее слова и отчаяние в голосе, который теперь показался бы мне молодым.

– Отец, пожалуйста, умоляю тебя!

Рука, державшая меня, задрожала – от ярости или от чего-то другого, я этого никогда не узнаю. С быстротой, с какой черный ворон хватается ломоть упавшего хлеба, старик наклонился и поднял кусок грязного льда. Не говоря ни слова, он с яростью швырнул его в темноту, и я съежился от страха. Я не помню ни крика, ни звука удара. В моей памяти осталось лишь то, как двери распахнулись наружу и старик поспешно отступил, волоча меня за собой.

И это все. Человек, открывший дверь, не был слугой, как я мог бы вообразить, если бы слышал эту историю из чужих уст. Нет, моя память сохранила не какого-то вышколенного слугу, а солдата, старого кавалериста, слегка поседевшего и с животом, затвердевшим скорее от жира, чем от большого количества натренированных мышц. Он оглядел нас с ног до головы с привычной солдатской подозрительностью и молча стоял, ожидая, что мы изложим наше дело.

Думаю, старик немного растерялся от такого приема, но вместо страха в нем вдруг вспыхнула злоба. Он бросил мою руку, схватил меня за шиворот и протянул вперед, как щенка, которого предлагают новому владельцу.

– Я принес мальчишку вам, – прохрипел он.

Привратник продолжал молча смотреть на него, не выказывая ни осуждения, ни даже интереса, и старик продолжал:

– Шесть лет кормил его как родного и не получил от его отца ни слова благодарности, ни одной монетки. Он даже ни разу не навестил нас, хотя моя дочь обмолвилась – он знает, что сделал этого ублюдка. Я не желаю больше кормить мальчишку и гнуть спину за плугом, чтобы наскрести ему на одежонку. Пусть его кормит тот, кто его сделал. У меня хватает своих забот, моя жена стареет, да еще я должен содержать и кормить мамашу вот этого. Потому что ни один мужчина ее не захочет, ни один – когда за подол ее цепляется этот щенок. Так что забирайте его и отдайте отцу.

И он выпустил меня так внезапно, что я упал и растянулся на каменной ступеньке у ног стражника. Я сел, потому что, насколько помню, не очень сильно ушибся, и поднял глаза, чтобы посмотреть, что произойдет дальше между этими двумя людьми. Стражник поджал губы, глянул вниз – не осуждая, а просто соображая, как со мной быть.

– Так чей он? – спросил он, и чувствовалось, что этот вопрос задается не из любопытства, а для того чтобы выяснить, в чем дело, а потом доложить хозяину.

– Чивэла, – сказал старик. Он повернулся ко мне спиной и размеренным шагом двинулся прочь по покрытой гравием дорожке. – Принца Чивэла. – И, не оглядываясь, добавил: – Того, который как раз и есть будущий король. Который его сделал. Пусть заботится о нем да радуется, что умудрился хоть где-то зачать ребенка.

Стражник проводил старика взглядом, потом, не сказав ни слова, наклонился, схватил меня за воротник и оттащил в сторону, чтобы я не мешал ему закрыть дверь. Он отпустил меня на то недолгое время, которое ему потребовалось, чтобы задвинуть засов. Сделав это, он остановился, глядя на меня сверху вниз. Никакого удивления, только солдатская готовность принимать все, даже самые странные стороны своей работы.

– Поднимайся, парень, и пойдем со мной, – сказал он.

И я пошел за ним по темному коридору мимо скудно обставленных комнат, окна которых все еще были защищены ставнями от зимнего холода, к еще одним закрытым дверям из роскошного дерева, украшенным резьбой. Тут он остановился и быстро оправил одежду. Ясно помню, как он встал на одно колено, чтобы одернуть мою рубашку и пригладить мне волосы, но сделал он это по доброте душевной или просто хотел привести доверенную ему посылку в надлежащий вид – я никогда не узнаю. Он снова встал и один раз стукнул по двустворчатым дверям. Постучав, стражник не стал ждать ответа, – по крайней мере, я ничего не слышал. Он толчком распахнул двери, провел меня внутрь и закрыл за собой тяжелые створки.

После стылого коридора комната показалась мне очень теплой. И в отличие от пустых комнат, которые мы миновали по пути сюда, она выглядела обжитой. Я вспоминаю висевшие на стенах ковры и портьеры, а еще – полки с табличками и свитками, наваленными в беспорядке, без которого не обходится ни одно уютное жилье. В огромном камине горел огонь, наполняя комнату теплом и приятным смолистым запахом. У очага, чуть наискось, стоял необъятный стол, а за ним сидел крепкий человек, склонившийся над грудой бумаг. Брови его были нахмурены. Он не сразу поднял глаза, и некоторое время я мог видеть только копну спутанных темных волос.

Когда он посмотрел на меня, то, казалось, одним быстрым взглядом черных глаз охватил и меня, и стражника.

– Ну, Джейсон? – спросил он. Несмотря на нежный возраст, я различил в его голосе стоическое терпение – его работу грубо прервали, и тут уж ничего не поделаешь. – В чем дело?

Стражник легонько подтолкнул меня вперед, и я примерно на фут придвинулся к сидящему человеку.

– Старый пахарь его оставил, принц Верити, сир. Сказал, стало быть, что это бастард принца Чивэла.

Несколько мгновений усталый человек за столом продолжал разглядывать меня с некоторым смущением. Потом нечто похожее на удивленно-веселую улыбку осветило его лицо, он встал, обошел вокруг стола и остановился рядом со мной, уперев кулаки в бедра и глядя на меня сверху вниз. Я не почувствовал угрозы в этом пристальном взгляде – скорее мне показалось, что нечто в моей наружности ему до крайности понравилось. Я с любопытством смотрел на него. У принца была короткая черная борода, встопорщенная и лохматая, как и его шевелюра, обветренные щеки, грудь, похожая на бочку, и широкие плечи, натянувшие ткань рубашки. Его квадратные кулаки были покрыты пятнами и царапинами, но тем не менее пальцы правой руки были в чернилах. Он смотрел на меня, удивленно поднимая густые брови, его улыбка делалась все шире, и наконец он весело фыркнул и заявил:

– Будь я проклят, паренек действительно похож на Чива, верно? Эда Плодородная, кто бы мог ждать такого от моего добродетельного братца!

Стражник ничего не ответил. Впрочем, никто и не ждал от него ответа. Он продолжал стоять в ожидании дальнейших распоряжений. Настоящий солдат, до мозга костей.

Чернобородый продолжал с интересом меня рассматривать.

– Сколько лет? – спросил он стражника.

– Тот пахарь сказал, стало быть, шесть. – Он собрался было почесать щеку, но потом, очевидно, вспомнил, что находится при исполнении служебных обязанностей, опустил руку и добавил – Сир.

Принц, похоже, не заметил нарушения дисциплины. Его темные глаза продолжали меня осматривать, и веселое удивление становилось все заметнее.

– Значит, дело было примерно семь лет назад. Ведь какое-то время понадобилось, чтобы живот мамыши подрос. Черт возьми! Да. Это был первый год, когда чьюрда пытались закрыть проход. А Чивэл добивался, чтобы его открыли. Гонялся за ними три или четыре месяца. Похоже – не только за ними. Черт возьми! Кто бы мог подумать? – Он помолчал и внезапно спросил: – Кто мать?

Переминаясь с ноги на ногу, стражник буркнул:

– Так... это... кто ж ее знает, сир. Там только и был этот старый пахарь, и он сказал, что вон этот вот – бастард принца Чивэла и что он, пахарь то бишь, не хочет мальчишку кормить и одевать не хочет. Дескать, кто его сделал, тот пускай о нем и заботится.

Принц пожал плечами, как будто это не имело никакого значения.

– Мальчишка выглядит ухоженным. Через неделю – в крайнем случае через две – мать будет топтаться у кухонных дверей и скулить, что скучает без своего щенка. Тогда я узнаю – если не раньше. Ну, мальчик, как тебя зовут?

Его камзол был застегнут затейливой пряжкой в виде головы оленя. В свете колеблющегося пламени она казалось то медной, то золотой, то красной.

– Мальчик, – ответил я.

Не знаю, просто ли я повторил то, что говорили он и стражник, или у меня действительно не было другого имени. Принц вроде бы удивился, и что-то вроде жалости мелькнуло на его лице. Впрочем, так же быстро оба эти чувства исчезли, уступив место смущению или просто раздражению. Он оглянулся на карту, которая все еще ждала его на столе.

– Ладно, – сказал он. – Надо его как-то опорядить, по крайней мере до тех пор, пока не вернется Чив. Джейсон, проследи, чтобы мальчишку накормили и нашли место, где спать, – хотя бы на сегодняшнюю ночь. Я пока прикину, что с ним делать завтра. Нельзя, чтобы королевские заугольши бродили по всей стране.

– Сир, – сказал Джейсон ровным тоном, в котором не прозвучало согласия или несогласия: солдат просто принял распоряжение.

Он положил мне на плечо тяжелую руку и развернул меня назад к двери. Я пошел немного неохотно, потому что в комнате было тепло и светло. Замерзшие ноги начало покалывать, и я понял, что если бы мне разрешили погреться еще немного, то я оттаял бы весь. Но рука

стражника непреклонно сжимала мое плечо, и меня вывели из теплой комнаты в холодные сумерки мрачных коридоров.

После тепла и света они казались еще более темными и бесконечными, пока я семенил рядом со стражником, стараясь поспевать за его широким шагом. Может быть, я хныкал, а может, моя медлительность ему наскучила, но внезапно он остановился, схватил меня, поднял как пушинку и посадил себе на плечи.

– Щенок ты сопливый, – проворчал он беззлобно и понес меня дальше по коридорам и ступенькам, все дальше и дальше, навстречу желтому свету огромной кухни.

Там на скамейках сидели развалясь полдюжины других стражников и ели и пили за большим щербатым столом, стоявшим у огня, – стол этот был почти вдвое больше того, что в кабинете. В кухне пахло едой, пивом, мужским потом, мокрой шерстяной одеждой и дымом от капающего в огонь жира. Вдоль стены рядами стояли свиные головы и маленькие бочонки, с балок свисали темные куски копченого мяса. По столу звякали миски. С куска мяса, крутившегося на вертеле, на камни очага стекал жир. Я уловил его восхитительный аромат, и желудок мой болезненно сжался. Джейсон грубо посадил меня к углу стола, ближайшему к огню, и подтолкнул локтем человека, лицо которого было скрыто за кружкой.

– Вот, Баррич, – сказал Джейсон как о чем-то само собой разумеющемся. – Вот этот вот щенок теперь будет твой. – И он отвернулся.

Я с интересом наблюдал, как он отломил от темной буханки хлеба горбушку величиной со свой кулак и вытащил из-за пояса нож, чтобы отрезать от круга сыра подходящий кусок. Потом он пихнул все это мне в руки, шагнул к огню и начал отпиливать порцию мяса, способную утолить голод взрослого мужчины. Я не стал тратить времени даром и наполнил рот хлебом и сыром. Человек по имени Баррич рядом со мной опустил кружку и оглянулся на Джейсона.

– Что это? – спросил он почти так же, как принц из теплой комнаты.

У него была такая же буйная шевелюра и борода, но лицо его было узким и угловатым. Кожа обветрена, как у человека, много бывающего на воздухе. Глаза были скорее коричневыми, чем черными, длинные

пальцы выглядели сильными и ловкими. Он пах лошадьми, собаками, кровью и кожами.

– Он для тебя, и присматривай за ним, принц Верити велел.

– Почему?

– Ну так ты же человек Чивэла, верно? Смотришь за его лошадьми, собаками и ястребами?

– Ну?

– Ну так ты возьмешь этого незаконнорожденного к себе, пока Чивэл не вернется и не придумает, чего с ним делать.

Джейсон протянул мне кусок истекающего соком мяса. Я переводил взгляд с хлеба на сыр, не желая расставаться ни с тем ни с другим, но страстно желая мяса. Он помялся, пожал плечами и с грубоватой практичностью воина небрежно бросил кусок на стол рядом со мной. Я запихнул в рот столько хлеба, сколько там поместилось, и передвинулся туда, откуда мог следить за мясом.

– Мальчишка Чивэла?

Джейсон пожал плечами, занятый поисками хлеба, мяса и сыра – теперь уже для себя.

– Так сказал старик, который его сюда приволок. – Он положил на ломоть хлеба сыра и мяса, откусил огромный кусок и потом заговорил с полным ртом: – Сказал, Чивэл пускай радуется, что хоть одного щенка наплодил, и пускай теперь сам его кормит.

Необычайная тишина внезапно воцарилась в кухне. Люди перестали есть, побросали хлебные доски и кружки и повернули головы к человеку, которого называли Барричем. Он сам тоже аккуратно поставил кружку подальше от края стола. Голос его был тихим и ровным, слова обдуманными:

– Если у моего хозяина нет наследника – это воля Эды, а не его вина. Леди Пейшенс всегда была слабой и...

– Так-то оно так, – поспешно согласился Джейсон, – а раз есть этот мальчишка, значит твой хозяин мужчина как мужчина. Вот и все, что я говорил. – Он поспешно вытер рот рукавом. – Уж он так похож на принца Чивэла! И брат его сказал – вот прямо сейчас. Тут уж наследный принц ни при чем, раз его леди младенчика доносить не может...

Но Баррич внезапно встал. Джейсон поспешно отпрянул, потом понял, что ему ничто не угрожает. Баррич же схватил меня за плечи и

повернул к огню. Крепко взяв меня за подбородок и подняв мою голову, он испугал меня так, что я выронил хлеб и сыр. Он не обратил на это никакого внимания и стал рассматривать меня, словно географическую карту. Его глаза встретились с моими, и в них появилось нечто вроде ярости, как будто один вид моего лица нанес ему страшное оскорбление. Я пытался отвести взгляд, но он не отпускал меня, так что я смотрел на него сколько мог, потом увидел, что его недовольство внезапно сменилось чем-то вроде неохотного удивления. Наконец он на секунду закрыл глаза, словно ему стало больно.

– Для леди это будет большим испытанием, – промолвил Баррич.

Он отпустил мой подбородок и неловко отступил, чтобы поднять мой хлеб и сыр. Отряхнув их, он вручил мне обратно мой ужин. Я смотрел на плотную повязку на его правой икре и колене, которая не давала ему согнуть ногу. Он снова сел и налил себе чего-то из стоявшего на столе кувшина, потом начал пить, пристально глядя на меня поверх кружки.

– И с кем это его сделал Чивэл? – неосторожно спросил какой-то человек на другом конце стола.

Баррич метнул в его сторону быстрый взгляд, его кружка со стуком опустилась на стол. Некоторое время он молчал, и я почувствовал, что в кухне снова повисла тишина.

– Я бы сказал, что это дело принца Чивэла, а не твое, – процедил он.

– Конечно, конечно, – поспешно согласился стражник.

Джейсон согласно закивал головой, как пританцовывающий перед подругой петух. Как ни мал я был, но все равно задумался: что же это за человек с забинтованной ногой, который может окоротить полную комнату здоровых мужчин при помощи только слов и взглядов?

– У пацана нет имени, – отважно нарушил молчание Джейсон. – Его звали просто мальчиком.

От этого заявления, по-видимому, все, даже Баррич, потеряли дар речи. Пока все молчали, я доел хлеб, сыр и мясо и даже сделал два-три глотка из кружки, протянутой мне Барричем. Остальные солдаты постепенно покидали комнату группами по двое и по трое, а он все сидел и смотрел на меня.

– Что ж, – сказал он наконец, – насколько я знаю твоего отца, он примет это с честью и сделает то, что должно, но только Эде известно, что он сочтет честным и должным. Вероятно, то, от чего ему будет больше всего. – Баррич еще некоторое время молча наблюдал за мной, потом спросил: – Ты сыт?

Я кивнул, и он с трудом встал, вытащил меня из-за стола и поставил на ноги.

– Тогда пойдем, Фитц^[1], – сказал он и двинулся из кухни к другому коридору.

Перевязанная нога делала его походку немного неуклюжей. Возможно, свое дело сделало и пиво. Мне, конечно, нетрудно было за ним поспевать. Наконец мы подошли к тяжелой двери и привратнику, который кивком пропустил нас, бросив на меня любопытный взгляд.

Снаружи дул холодный ветер. Лед и снег, размякшие за день, с приходом ночи снова затвердели. Под ногами у нас хрустело, а ветер, казалось, пронизывал меня насквозь. Мои ноги немного согрелись у кухонного очага, но штаны не успели высохнуть, и скоро я весь продрог. Помню темноту и ужасную усталость, навалившуюся на меня, когда я тащился вслед за этим странным человеком через холодный темный двор. Спать хотелось до слез. Вокруг чернели высокие толстые стены, по верху которых время от времени двигались стражники – темные тени, которые можно было различить только потому, что они заслоняли звезды. Холод мучил меня, я спотыкался и скользил по ледяной дорожке. Но в Барриче было нечто такое, что не позволяло мне скулить и просить о снисхождении. Я упорно брел следом за ним. Наконец мы дошли до какого-то здания, и он распахнул тяжелую дверь.

Тепло, запах животных и мутный желтый свет хлынули изнутри. Заспанный конюшенный мальчик сел в своем соломенном гнезде, моргая, словно едва оперившийся птенец. Услышав голос Баррича, он снова улегся, свернувшись в маленький комочек в куче соломы, и закрыл глаза. Мы прошли мимо него, и Баррич запер за нами дверь. Он взял тусклый фонарь, висевший у двери, и повел меня вперед.

Я попал в другой, ночной мир, в котором шевелились и громко дышали в стойлах лошади, где собаки поднимали голову со скрещенных лап, чтобы взглянуть на меня, сверкая в свете фонаря

зелеными или желтыми глазами. Лошади беспокойно похрапывали, когда мы проходили мимо их стойл.

– Ястребы там, в дальнем конце, – сказал Баррич, когда мы шли мимо нескончаемого ряда лошадей.

Судя по всему, мне это надо было знать, и я принял его сообщение как должное.

– Побудешь здесь, – сказал он наконец. – По крайней мере первое время. Будь я проклят, если знаю, что еще с тобой делать. Если бы не леди Пейшенс, я бы сказал, что боги славно подшутили над хозяином. Эй, Востронос, подвинься немножко и дай мальчику место на соломе. Вот молодец! Давай прижмись к Рыжей. Она примет тебя и как следует задаст любому, кто захочет тебя побеспокоить.

Я оказался перед просторным отдельным стойлом, в котором спали три собаки. Заслышав голос Баррича, они проснулись, прутики их хвостов заколотили по соломе. Я начал медленно пробираться между ними и улегся рядом со старой сукой с поседевшей мордой и оторванным ухом. Матерый пес смотрел на меня с явным подозрением, но третий был щенок и приветствовал меня, лизнув в ухо, укусив за нос и радостно оцарапав лапами в щенячьем восторге. Я обнял его, чтобы утомонить, и, последовав совету, устроился поближе к Рыжей. Баррич набросил на меня плотное одеяло, которое сильно пахло лошадьми. Очень большой серый конь в соседнем стойле внезапно зашевелился, несколько раз ударил копытом по перегородке и свесил голову ко мне, чтобы выяснить причину ночного переполоха. Баррич похлопал его по спине, и конь тут же успокоился.

– На этой заставе всем нам приходится туго. В Оленьем замке тебе больше понравится. А сегодня и здесь тебе будет тепло и безопасно. – Он постоял еще немного, глядя на нас. – Лошадь, собака и ястреб, Чивэл. Я смотрел за ними для вас много лет и делал это хорошо. Но этот ваш парнишка – уж с ним что делать, я не знаю.

Я знал, что он обращается не ко мне. Чуть-чуть высунувшись из-под одеяла, я смотрел, как Баррич снимает с крючка фонарь и идет прочь, что-то ворча себе под нос. Хорошо помню эту первую ночь, тепло собак, колкую солому и даже сон, который наконец пришел, когда щенок свернулся около меня. Я вплыл в его сознание и разделил его смутные сны о бесконечной погоне, преследовании добычи, которой я никогда не видел, но чей горячий запах увлекал меня вперед

сквозь заросли крапивы и куманики, а потом – по сыпучей каменной крошке.

После собачьего сна мои воспоминания становятся расплывчатыми, колышутся, как яркие цвета и четкие грани в дурманных грезах. Дни, последовавшие за первой ночью, запечатлелись в моей памяти хуже.

Я вспоминаю последние слякотные дни зимы, когда я изучал путь от моего стойла до кухни. Мне было позволено ходить на кухню и возвращаться обратно, когда захочу. Иногда там бывал повар, который подвешивал мясо на крюке над очагом, замешивал тесто для хлеба или вскрывал бочки с напитками. Чаще же всего на кухне не было никого, тогда я брал все, что оставалось на столе, и щедро делился со щенком, который быстро стал моим постоянным спутником. Мужчины приходили и уходили, ели, пили и рассматривали меня с нескрываемым любопытством, которое я вскоре научился не замечать. Для меня они все были на одно лицо: одинаковые шерстяные штаны и плащи, крепкие тела и легкие движения. И каждый из них носил одежду с вышитым на груди гербом – изображением оленя в прыжке. От моего присутствия некоторым из них было как-то не по себе. Я уже привык к гулу голосов, поднимавшемуся, как только я покидал кухню. Баррич в эти дни все время был рядом, заботясь обо мне так же, как о животных Чивэла, – я был накормлен, напоен и выгулян, – хотя обычно в качестве прогулки я рысью бегал за ним, пока он делал свою работу. Но эти воспоминания расплывчаты, а детали – такие, как умывание или переодевание, – вероятно, поблекли, поскольку в шесть лет подобные вещи мы считаем обычными и не стоящими внимания. Конечно же, я помню щенка Востроноса. Шерсть его была рыжей, гладкой, короткой и немного щетинистой, она колола меня через одежду, когда по ночам мы устраивались на одной попоне. Глаза у него были зеленые, как медная руда, нос цвета жареной печени, а пасть и язык пестрые – в розовых и черных пятнах. Если мы с Востроносом не ели на кухне, то проводили время в шуточной борьбе друг с другом во дворе или на соломе в стойле. Таким был мой мир в то время, пока я жил там, куда меня привел старик-пахарь. Наверное, это продолжалось недолго – я не помню, чтобы менялась погода. Все мои воспоминания об этом времени – это сырые дни, снег, ветер и лед, который подтаивал днем, но за ночь снова становился крепким.

Еще одно помню я о том времени, хотя и не очень отчетливо. Скорее, это теплое, слабо окрашенное воспоминание, похожее на старый гобелен, если смотреть на него в полумраке. Как-то я проснулся, разбуженный вертевшейся собакой и желтым светом фонаря, который кто-то держал надо мной. Два человека стояли, склонившись надо мной, но за их спинами виднелся Баррич, и я не испугался.

– Ты его разбудил, – предупредил один из них. Это был принц Верити, человек из теплой комнаты моего первого вечера.

– Да? Он снова заснет, как только мы уйдем. Будь я проклят, у него действительно отцовские глаза. Клянусь, я узнал бы в нем кровь, где бы ни увидел. Никто в этом не усомнится. У вас с Барричем что, ума не больше, чем у блох? Незаконнорожденный он или нет, но не держать же ребенка в стойле под ногами у животных? Неужели вам больше некуда было его деть?

Говоривший был похож на Верити линией подбородка и глазами, но на этом сходство заканчивалось. Этот человек выглядел гораздо моложе. Он не носил бороды, надушенные и приглаженные волосы были тоньше и светлее. Его щеки и лоб покраснели от ночного холода, но видно было, что это скоро пройдет, в отличие от обветренной красноты Верити. Кроме того, принц одевался, как и его люди, в удобную грубошерстную одежду из плотной пряжи мягких цветов. Его наряд выделялся лишь тем, что изображение оленя на груди было вышито золотыми и серебряными нитями. Что касается второго человека, то он сверкал множеством оттенков алого и нежно-розового. Его плащ был сделан из куска ткани вдвое шире, чем нужно, чтобы просто завернуться в него. Дублет цвета жирных сливок, выглядывающий из-под него, был богато отделан кружевами. Шарф на горле был скреплен золотой пряжкой в виде скачущего оленя с глазом из зеленого самоцвета. Мягкий говор мог бы сравниться с перевитой золотой цепью, тогда как речь Верити состояла из прямых металлических звеньев.

– Да я как-то не подумал об этом, Регал. Что я знаю о детях? Я передал его Барричу. Он человек Чивэла, и раз он ухаживает за...

– Не считите за непочтительность к особам королевской крови, сир, – смутился Баррич, – я человек Чивэла и делал для мальчика все, что мог, как мне казалось. Я мог бы постелить ему в караульной. Но он

мал еще, чтобы все время быть в компании здоровых мужчин, которые то приходят, то уходят, пьют, дерутся и ругаются... – По его тону было ясно, какую неприязнь сам он испытывает к их компании. – А здесь тихо, да и щенок к нему привязался. И Рыжая присматривает за ним ночью и покусает любого, кто попробует его тронуть. Мои лорды, я сам не много знаю о детях, и мне казалось...

– Ладно, Баррич, ладно, – перебил его Верити. – Если бы тут было о чем подумать, я бы взял это на себя. Раз я прислал мальчика к тебе – значит так надо. Эде ведомо, ему тут все равно живется лучше, чем другим окрестным детям. Пока все в порядке.

– Но это должно измениться, когда он вернется в Олений замок. – голос Регала звучал недовольно.

– Так отец хочет, чтобы мы забрали его в замок? – вопрос исходил от Верити.

– Отец хочет. Моя мать – нет.

– О! – По тону Верити было ясно, что он не заинтересован в продолжении этого разговора.

Но Регал нахмурился и продолжал:

– Моя мать, королева, вовсе не в восторге от всего этого. Она долго уговаривала короля, но ничего не добилась. Мать и я считаем, что этого мальчика нужно... устранить. Это будет разумным. Путаницы по линии наследования и так хватает.

– Не вижу никакой путаницы, Регал. – Верити говорил спокойно. – Чивэл, я, а потом ты. Потом наш кузен Август. Этот незаконнорожденный малыш будет только пятым.

– Я прекрасно знаю, что ты идешь впереди меня. Необязательно тыкать это мне в нос при каждом удобном случае, – холодно заметил Регал и посмотрел на меня. – Я по-прежнему думаю, что лучше бы его здесь не было. Что, если Пейшенс никогда не родит от Чивэла законного наследника? Что, если он решит признать этого... ребенка? Тогда могут начаться раздоры среди знати. Зачем искушать судьбу? Это мнение мое и моей матери. Но наш отец, как мы все знаем, не любит торопиться. Шрюд Проницательный – он и есть проницательный, как говорят простолюдины. Он строго-настрого запретил в это вмешиваться. «Регал, – сказал он в своей излюбленной манере, – не делай ничего, что потом не сможешь исправить, пока не поймешь, чего ты будешь не в силах изменить, когда сделаешь это».

Потом он засмеялся. – Регал тоже издал короткий, полный горечи смешок. – Я так устал от его юмора.

– О! – снова сказал Верити.

Я лежал тихо и думал, пытается он найти смысл в словах короля или воздерживается от ответа на сетования брата.

– Ты, конечно, понимаешь истинную причину, – заявил Регал. – А именно: он по-прежнему расположен к Чивэлу. – В голосе Регала слышалось отвращение. – Несмотря ни на что. Несмотря на его дурацкую женитьбу и сумасбродную жену. Несмотря на все эти неприятности. А теперь отец полагает, что бастард еще больше возвысит нашего старшего брата в глазах людей. Это докажет им, что Чивэл настоящий мужчина и может зачать ребенка. Кроме того, они увидят, что наследный принц тоже человек и может ошибаться, как и они сами. – По голосу Регала было ясно, что он со всем этим не согласен.

– И это заставит народ полюбить его и обеспечит поддержку, когда ему достанется трон? То, что он зачал ребенка с какой-то простолюдинкой еще до того, как женился на королеве? – Казалось, Верити был сбит с толку этой логикой.

Голос Регала показался мне раздраженным.

– Так, по-видимому, думает король. Похоже, его совершенно не трогает это бесчестье. Однако я подозреваю, что у Чивэла будет другое мнение относительно своего сына. Особенно если это причинит боль его ненаглядной Пейшенс. Но король распорядился, чтобы ты забрал мальчишку с собой в Олений замок, когда поедешь туда. – Регал посмотрел на меня с мрачным удовлетворением.

Верити огорчился, но все же кивнул. Лицо Баррича потемнело, и тень эту не мог рассеять желтый свет фонаря.

– Разве слово моего господина ничего не значит в этом деле? – отважился он возразить. – Если он захочет уладить дела с семьей мальчика и отправить его назад, неужели ему не будет предоставлена свобода действий во имя спокойствия моей госпожи Пейшенс?

Принц Регал прервал его насмешливым фырканьем:

– Время для свободы действий у него было до того, как он повалил эту девку на койку. Леди Пейшенс не первая женщина, вынужденная встретиться с внебрачным сыном мужа. Здесь уже все до одного знают о его существовании, и виной тому безалаберность Верити. Нет

никакого смысла прятать мальчишку. Как только королевский бастард будет признан, никто из нас не сможет похвастаться спокойствием, Баррич. Оставить его в таком месте, как это, – все равно что оставить меч, занесенный над горлом короля. Это, конечно, понятно даже псарю – а если нет, то твой хозяин тебе потом объяснит. – В голосе Регала зазвенел лед, и Баррич вздрогнул.

Прежде я ни разу не видел его испуганным. Мне стало страшно, я натянул одеяло на голову и глубже зарылся в солому. Рядом со мной глухо зарычала Рыжая. Думаю, именно это заставило Регала отступить, но не могу быть в этом уверен. Мужчины вскоре ушли, и если они и говорили еще о чем-нибудь, то это не сохранилось в моей памяти.

Время шло. Думаю, минуло две или три недели до следующего моего яркого воспоминания: я цепляюсь за пояс Баррича, пытаюсь обхватить короткими ногами его лошадь, – это было начало казавшегося мне тогда нескончаемым путешествия из холодной деревни в далекие теплые края.

Полагаю, Чивэл должен был встретить нас где-то по пути, чтобы посмотреть на бастарда, которого он породил, и осудить себя. Но встречи с отцом я не помню. Единственный его образ, который я ношу в своем сердце, – это портрет на стене в Оленьем замке. Спустя много лет мне дали понять, что принц Чивэл был по-настоящему хорошим дипломатом, начал переговоры и заключил мир, продолжавшийся на протяжении моего отрочества, и тем заслужил уважение и даже любовь чьюрда.

По правде говоря, я был его единственной неудачей в тот год – но зато неудачей величайшей. Он раньше нас приехал в Олений замок, где и отрекся от права на трон. К тому времени, когда мы прибыли, он и леди Пейшенс уже покинули двор и отправились править Ивовым Лесом. Много позже я побывал там. Этот край не имеет ничего общего со своим именем – теплая долина, уютно расположенная среди холмов на берегах спокойной реки. Место, самой природой предназначенное, чтобы выращивать виноград, зерно и толстощеких детишек. Это тихое владение очень далеко от границ, придворных интриг и всего, что прежде составляло жизнь принца Чивэла. Пастораль Ивового Леса была мягким и вежливым изгнанием для человека, который должен

был стать королем. Бархатная удавка для воина и блестящего дипломата.

Итак, я прибыл в Олений замок – одинокий ребенок, незаконный сын человека, которого никогда не знал. Принц Верити вскоре стал законным наследником, и принц Регал передвинулся на ступеньку ближе к заветному трону. Если бы я только родился, был обнаружен и сразу сгинул без следа, это все равно бы оставило в истории Шести Герцогств неизгладимый след. Я вырос без отца и матери при дворе, где меня считали причиной всех бед. И я действительно стал причиной всех бед.

Королевский убийца

Способность к магии, называемой Силой, чаще всего передается по наследству в королевской династии Видящих.

Но существует еще более древняя магия, ныне повсеместно презираемая. Она известна под названием Дар. Некогда это было естественной способностью живущих на нынешней территории Шести Герцогств охотников, тех, кто чувствовал родство с дикими лесными животными. Дар, по слухам, давал человеку способность говорить на языке животных. Наиболее активно применяющих Дар предупреждали, что они могут превратиться в животное, с которым были связаны. Но возможно, это только легенды...

Пролог

Сны и пробуждения

Почему считается, что записывать магические знания ни в коем случае не следует? Возможно, истинная причина тому – в извечной боязни дать страшное оружие человеку недостойному. И потому с незапамятных времен секреты магии передавались лишь от наставника к ученику. Маги тщательно отбирали и обучали своих воспитанников. На первый взгляд эта скрытность объясняется похвальным стремлением оградить людей от неподготовленных и безответственных чародеев, но ведь, чтобы овладеть магическим искусством, одних только знаний недостаточно. Предрасположенность к определенному роду волшебства человек получает от рождения. Например, способность к магии, называемой Силой, чаще всего встречается у представителей королевской династии Видящих. Но порой она проявляется и у людей, среди предков которых были как представители материковых племен, так и жители Внешних островов. Тот, кто умеет направлять Силу, способен услышать мысли другого человека, как бы далеко друг от друга они ни находились. Особо одаренные Силой могут влиять на разум других людей или общаться с ними на расстоянии. Для командования сражением или разведки это крайне полезное умение.

В фольклоре упоминается еще более древняя магия, ныне повсеместно презираемая. Она известна нам под названием Дар. Не многие признаются, что наделены этой магией. Обычно люди говорят, что это свойство крестьян из соседней долины или тех, кто живет по другую сторону дальнего моста. Я подозреваю, что некогда Дар был естественной способностью обитавших на нынешней территории Шести Герцогств охотников – тех, кто чувствовал родство с дикими лесными животными. Оседлым людям такое было недоступно. Дар, по слухам, давал человеку способность говорить на языке животных. Наиболее активно применяющих Дар предупреждали, что они могут превратиться в животное, с которым связаны. Но возможно, это только легенды.

Существуют несколько разновидностей магии Ограждения, хотя мне никогда не удавалось установить происхождение этого названия. Действенность подобного волшебства часто ставится под сомнение, хотя не менее часто и подтверждается. Это и чтение по ладони, и гадание по воде, по отражениям хрусталя и множество других магических техник, имеющих целью предсказывать будущее.

Особняком стоит волшебство древних племен, которое нельзя отнести к той или иной известной разновидности магии. Это способность даровать невидимость или левитировать, перемещать вещи на расстоянии или вдыхать жизнь в неодушевленные предметы. Словом, все легендарные волшебные вещи от Летящего Кресла Сына Вдовы до Волшебной Скатерти Северного Ветра. Я не знал еще человека, который признавал бы, что владеет подобными умениями. Они, по-видимому, существуют лишь в легендах и приписываются людям, жившим в давние времена или в дальних странах, или существам мифическим и полумифическим – драконам, гигантам, Элдерлингам.

Я прерываю свою работу, чтобы почистить перо. На этой плохой бумаге буквы то слишком тонкие, то расплываются кляксами. Но я не буду использовать для записей хороший пергамент. Пока нет. Да и следует ли их вести? Я спрашиваю себя, зачем вообще доверять это бумаге? Разве эти знания не будут переданы из уст в уста тем, кто достоин их? Возможно. Но возможно, и нет. То, что мы сейчас принимаем как должное, может однажды стать чудом и загадкой для наших потомков.

В библиотеках вы не многое найдете о магии. Я трудолюбиво отслеживал нить знания в лоскутном одеяле обрывочных сведений. Я нашел отдельные ссылки, случайные намеки – и только. За последние несколько лет я собрал их все и храню в памяти, намереваясь свести воедино и изложить на бумаге. И дополнить тем, что стало мне известно из собственного опыта. Возможно, в далеком будущем моя работа ответит на вопросы какого-нибудь несчастного глупца, которого раздавит его собственная магия. Как когда-то меня.

Однако, сев за стол, чтобы приступить к этой работе, я медлю. Кто я такой, чтобы противопоставить мое желание мудрости тех, кто жил до меня? Должен ли я записать простыми словами те методы, при

помощи которых Одаренный может расширить зону своего влияния или привязать к себе какое-то создание? Должен ли я детально изложить, чему должен научиться человек, прежде чем его признают владеющим Силой? Магиями Ограждения и легендарными магиями древности я не владел никогда. Имею ли я право раскапывать их тайны и прищипливать к бумаге, словно бабочек? Я пытаюсь обдумать, на что способен человек, получивший такие знания несправедливым путем. Это приводит меня к размышлениям о том, что это знание дало мне. Власть, богатство, любовь женщины? Горько и смешно. Ни Сила, ни Дар ничего подобного мне не дали. А если и предоставили такую возможность, то у меня не хватало разума и честолюбия, чтобы ею воспользоваться.

Власть? Не думаю, что когда-нибудь я хотел получить власть ради власти. Я жаждал ее порой, когда был повержен или когда мои близкие страдали под гнетом тех, кто злоупотреблял своим могуществом. Богатство? Оно меня никогда не прельщало. С того мгновения, как я, незаконный внук короля Шрюда, поклялся ему в верности, он всегда следил за тем, чтобы мои нужды полностью удовлетворялись. Еды у меня было в достатке, учебы – даже больше, чем мне иногда хотелось, одежда у меня была и простая, и раздражающе роскошная, и частенько мне перепадала монета-другая на мелкие расходы. По меркам Оленьего замка я и вправду жил весьма богато, а уж мальчишки города Баккипа могли только мечтать о чем-то подобном. Любовь? Что ж... Моя лошадка, Уголек, неплохо ко мне относилась – на свой тихий лад. Меня искренне любил пес по имени Востронос, и это стоило ему жизни. Со всей силой собачьей преданности привязался ко мне щенок терьера, и его это тоже привело к гибели. Я содрогаюсь при мысли о цене, которую они с готовностью заплатили за любовь ко мне.

Меня всегда мучило одиночество человека, выросшего среди интриг и тайн, человека, который никому не может полностью открыть свое сердце. Я не мог пойти к Федврону, замковому писарю, ценившему меня за умение красиво писать и рисовать, и рассказать ему, что не имею возможности стать его учеником, потому что уже учусь у убийцы, состоящего на службе у короля. Также я не мог открыть Чейду, моему наставнику в дипломатии кинжала, что я вынес, пытаясь овладеть основами королевской магии у мастера Силы Галена. И ни одному человеку не смел я открыто говорить о моей склонности

к Дару, древней магии, считавшейся извращенным и позорным умением.

Даже Молли.

Из всего, что было у меня, Молли была наибольшей драгоценностью, истинным утешением. Она не имела ничего общего с моей повседневной жизнью. Дело не только в том, что она была женщиной, хотя в этом и таилось для меня что-то загадочное и непонятное. Я рос почти исключительно в мужском обществе, лишенный не только матери и отца, но и других кровных родственников, которые бы открыто признавали меня. Еще ребенком меня отдали на воспитание Барричу – суровому главному конюшему, некогда бывшему правой рукой моего отца. Моими товарищами были конюхи и стражники. В те времена, как и сейчас, в военных отрядах имелись женщины, хотя и не так много, как теперь. Но, как и у мужчин, у них были четкие обязанности, и когда они не стояли на посту, то занимались собственными семьями. Я не мог отнимать у них время. У меня не было ни матери, ни сестер, ни теток. Не нашлось ни одной женщины, предложившей мне ту особую нежность, которую, как говорят, может дать только представительница прекрасного пола.

Ни одной, кроме Молли.

Она была всего на год или два старше меня и росла – подобно зеленому побегу, пробивающемуся сквозь щель в булыжной мостовой. Ни пьянство и жестокость отца, ни изнурительный труд подростка, пытающегося содержать дом и продолжать семейное дело, не смогли сокрушить ее. Когда я впервые встретил ее, она была дикой и настороженной, как лисенок. Молли Расквашенный Нос – так звали ее уличные мальчишки. Она часто бывала вся в синяках от побоев своего отца. Несмотря на его жестокость, Молли, однако, любила его. Я никогда не мог этого понять. Он упрекал и ругал дочь, даже когда она тащила его домой после очередной попойки и укладывала в постель. А проснувшись, никогда не испытывал раскаяния за свое пьянство и грубость. Были только новые придирки: почему мастерская не выметена и пол не посыпан свежей травой, почему Молли не ухаживает за пчелиными ульями, когда мед для продажи почти кончился, почему не уследила за огнем под котелком с воском... Я был этому свидетелем гораздо чаще, чем мне бы хотелось.

Но, несмотря на все это, Молли росла. И в одно прекрасное лето она внезапно расцвела в молодую женщину, которая заставила меня благоговеть перед ее очарованием. Что до нее, то она, по-видимому, совершенно не подозревала о том, что глаза ее, встретившись с моими, лишают меня дара речи. Никакая магия – ни Сила, ни Дар, которыми я обладал, – не могла защитить меня от случайного прикосновения ее руки и от смущения, в которое меня повергала ее улыбка.

Стоит ли мне описывать ее летящие по ветру волосы или рассказывать, как цвет ее глаз менялся от темно-янтарного до карего в зависимости от ее настроения или тона ее платья? Заметив ее алую юбку и красную шаль среди рыночной толпы, я внезапно переставал видеть людей, сновавших вокруг. Вот магия, которой я был свидетелем, и хотя мог бы описать ее, никто другой не сумел бы воспользоваться ею.

Как я ухаживал за Молли? Я был неуклюжим мальчишкой и глядел на нее, раскрыв рот, подобно дурачку, который таращится на сверкающие диски бродячего жонглера. Полагаю, она первой поняла, что я влюблен в нее. И она позволила мне ухаживать за ней, хотя я был на пару лет младше, не жил в городе и, насколько она знала, не имел перспективной профессии. Она думала, что я посыльный из замка, от случая к случаю подрабатывающий в конюшнях. Она так и не заподозрила, что я бастард, непризнанный сын наследного принца Чивэла, столкнувший его с пути к трону. Это само по себе было величайшей тайной. О моих магических способностях и о моей настоящей профессии Молли не знала ничего.

Может быть, именно поэтому я смог полюбить ее. И, безусловно, поэтому потерял. Я позволил тайнам, падениям и боли других моих жизней поглотить слишком много моего времени и внимания. Была магия, которой надо учиться, тайны, которые надо разнюхивать, люди, которых надо убивать, и интриги, в которых надо уцелеть. Из-за всего этого мне никогда не приходило в голову обратиться к Молли за поддержкой и пониманием, которых не мог дать мне никто, кроме нее. Она не имела отношения ко всему этому и не была запятнана ничем. Я старательно оберегал ее от любого прикосновения к этим сферам своей жизни. Никогда не пытался втянуть в свои дела. Вместо этого я окунался в ее мир – мир рыбной ловли и кораблей портового города. Молли продавала свечи и мед, делала покупки на рынке, а иногда

гуляла со мной по пляжу. Чтобы любить ее, мне было достаточно самого факта ее существования. Я не смел и надеяться, что она может ответить на мое чувство.

Пришло время, когда обучение Силе ввергло меня в отчаяние столь глубокое, что я не надеялся пережить его. Я не мог простить себя за то, что оказался неспособен овладеть Силой; не мог вообразить, что мой провал может быть совершенно безразличен другим людям. Я погрузился в свое отчаяние в угрюмом самоустранении. Прошли долгие недели, в течение которых я не видел Молли и не послал ей никакой весточки о том, что думаю о ней. В конце концов, когда больше обратиться мне было не к кому, я все же нашел ее. Слишком поздно. Однажды вечером я пришел в «Пчелиный бальзам» с корзиной подарков и как раз успел увидеть, как Молли уходит. Не одна. С Джедом, красивым широкоплечим моряком с шикарной серьгой в одном ухе, в расцвете его мужской зрелости. Незамеченный, сраженный, я скользнул в сторону и наблюдал, как они рука об руку идут от свечной мастерской. Я смотрел, как Молли уходит, и позволил ей уйти, а в последующие месяцы пытался убедить себя, что мое сердце тоже отпустило ее. Не знаю, что могло бы случиться, если бы я побежал за ними тем вечером и вымолил у нее одно последнее слово. Странно думать, как много событий может произойти из-за неуместной гордости мальчика, приученного к поражениям. Я выбросил Молли из головы и ни с кем не говорил о ней. Я продолжал жить.

Король Шрюд послал меня в качестве личного убийцы с огромным караваном, отправленным засвидетельствовать обет горной принцессы Кетриккен, которая должна была стать женой принца Верити. Мне надлежало устранить ее старшего брата, принца Руриска, с тем чтобы Кетриккен осталась единственной наследницей трона Горного Королевства. Но, прибыв туда, я натолкнулся на паутину обмана и лжи, сотканную моим младшим дядей, принцем Регалом, который задумал уничтожить Верити и сам претендовал на руку принцессы. Я был пешкой, которой он собирался пожертвовать в этой комбинации. И я был пешкой, которая неожиданно опрокинула другие фигуры, расставленные им. Ярость и месть Регала обрушились на меня, но я сохранил для Верити его корону и его невесту. Не думаю, что это был героизм. И не думаю, что это была простая месть человеку, который

всегда унижал и оскорблял меня. Это был поступок мальчика, становящегося мужчиной и выполнившего клятву, данную много лет назад, еще до того, как я понял ее цену. Я заплатил за это своим здоровьем, которое так долго считал чем-то само собой разумеющимся.

Долгое время, после того как был разрушен заговор Регала, я провел в Горном Королевстве, почти не вставая с постели. Но настало утро, когда я проснулся и понял, что моя долгая болезнь наконец отступила. Баррич решил, что я достаточно здоров, для того чтобы начать долгое путешествие домой, в Шесть Герцогств. Принцесса Кетриккен и ее свита уехали в Олений замок на несколько недель раньше, когда погода еще не испортилась. Теперь в горах уже бушевали снега. Если бы мы в самое ближайшее время не покинули Джампи, то были бы вынуждены зимовать там. В то утро я проснулся рано и укладывал оставшиеся вещи, когда начался первый приступ мелкой дрожи. Я решительно пренебрег им. Я просто ослабел, сказал я себе, и еще не завтракал, а кроме того, возбужден предстоящим путешествием. Я надел то, что приготовила Джонки для нашей долгой поездки через горы и равнины. Для меня она принесла длинную красную рубаху, подбитую шерстью, и зеленые стеганые штаны, окаймленные красным у пояса и манжет. Сапоги были мягкими и почти бесформенными. Они напоминали мешки из мягкой кожи, отороченные мехом, и закреплялись на ноге длинными кожаными полосками. Моим дрожащим пальцам было нелегко завязать их. Джонки сказала нам, что эти сапоги идеально подходят для сухого горного снега, но лучше их не мочить.

В комнате было зеркало. Сперва я улыбнулся своему отражению. Даже шут короля Шрюда не одевался так ярко. Но по контрасту с веселой расцветкой одежды мое лицо казалось особенно худым и бледным, а глаза – слишком большими. Жесткие черные волосы, остриженные на время болезни, торчали, как шерсть у собаки на загривке. Моя болезнь иссушила меня. Но я сказал себе, что наконец отправляюсь домой. И отвернулся от зеркала. Когда я упаковывал несколько маленьких подарков, которые выбрал, чтобы отвезти домой друзьям, слабость стала донимать меня пуще прежнего.

В последний раз Баррич, Хендс и я сели позавтракать с Джонки. Я снова поблагодарил ее за все, что она сделала для моего

выздоровления. Я взял ложку, собираясь приняться за кашу, и мою руку свело судорогой. Ложка упала. Я проводил ее глазами и упал вслед за ней.

Следующее, что я помню, – это темные углы спальни. Долгое время я лежал не двигаясь и не разговаривая. Состояние опустошенности сменилось пониманием того, что со мной случился еще один припадок. Он прошел; тело и разум снова подчинялись мне. Но я больше не хотел ими командовать. В пятнадцать лет, когда большинство людей только начинают входить в силу, я уже не мог доверить своему телу даже самую простую работу. Мое тело было разрушено, и в приступе горькой обиды я злился, что оно никуда не годится. Я люто ненавидел себя и искал способа выразить мое жестокое разочарование. Почему я не смог выздороветь? Почему я не поправился?

– На это потребуется время, вот и все. Подожди, пока пройдет полгода после отравления. Тогда и оценивай себя.

Это была Джонки, целительница. Она сидела у огня, но ее кресло было задвинуто в тень. Я не замечал ее, пока она не заговорила. Она поднялась медленно, будто по зиме у нее разболелись суставы, подошла и встала у моей постели.

– Я не хочу превратиться в старика!

Джонки поджала губы:

– Раньше или позже, но тебе придется. Я, по крайней мере, очень надеюсь, что ты доживешь до этого. Я стара, и мой брат, король Эйод, тоже. Мы не находим, что это такая уж тяжелая участь.

– Пусть мое тело станет телом старика, но только когда придет срок! А так жить я не могу.

Она озадаченно покачала головой:

– Конечно можешь. Лечиться бывает скучно, но сказать, что ты не можешь так жить... Я не понимаю. Может быть, тому виной различие в наших языках.

Я набрал воздуха, чтобы заговорить, но в это мгновение вошел Баррич:

– Проснулся? Тебе лучше?

– Проснулся. Мне не лучше, – пробурчал я.

Даже мне самому это показалось ответом капризного ребенка.

Баррич и Джонки переглянулись. Старая женщина подошла к постели, похлопала меня по плечу и молча вышла из комнаты. Их очевидное спокойствие раздражало, и бессильная ярость захлестывала меня, подобно приливу.

– Почему ты не можешь вылечить меня? – требовательно спросил я Баррича.

Мой обвинительный тон, казалось, обескуражил его.

– Это не так просто... – начал Баррич.

– Почему? – Я приподнялся в постели. – Я видел, как ты избавляешь животных от самых разных недугов. Лихорадка, сломанные кости, глисты, чесотка... Ты – главный конюший, и я видел, как ты со всем этим справляешься. А почему ты не можешь вылечить меня?

– Ты не собака, Фитц, – тихо сказал Баррич. – С животным, когда оно серьезно заболевает, проще. Иногда мне приходится идти на крайние меры, и тогда я говорю себе: «Что ж, если собака умрет, она, по крайней мере, не будет больше страдать. Смерть избавит ее от мучений». Я же не могу поступить так с тобой. Ты не собака.

– Это не ответ! Стражники тоже зачастую идут не к врачу, а к тебе. Ты вынул наконечник стрелы из раны Дэна. Ты разрезал ему всю руку, чтобы это сделать! Когда лекарь сказал, что нога Грейдин слишком воспалилась и ее придется отнять, Грейдин пришла к тебе и ты спас ей ногу. А лекарь все время говорил, что заражение пойдет дальше, Грейдин умрет и ты будешь в этом виноват.

Баррич скрипнул зубами. Будь я здоров, я бы остерегся его гнева. Но он так заботливо и терпимо относился ко мне, пока я болел, что это придало мне дерзости. Когда Баррич заговорил, голос его был тихим и ровным.

– Да, это было рискованно. Но люди, которые приходили ко мне, знали о риске. И, – он повысил голос, чтобы заглушить мои возможные возражения, – это были простые случаи. Я знал причину. Вынуть наконечник и древко стрелы и вычистить рану Дэна. Сделать припарку и выгнать гной из ноги Грейдин. Но твоя болезнь не так проста. Ни Джонки, ни я на самом деле не знаем, что с тобой. Последствия ли это яда, который дала тебе Кетриккен, когда думала, что ты хочешь убить ее брата? Или действие отравленного вина, которое тебе подсунул Регал? Или все дело в том, что тебя после отравления избили до

полусмерти? Может, это оттого, что ты чуть не утонул? А может быть, это результат всех напастей вместе? Неизвестно. И поэтому мы не знаем, как лечить тебя. Мы просто не знаем.

При последних словах его голос дрогнул, и я увидел, что привязанность Баррича ко мне берет верх над его раздражением. Он прошелся по комнате, потом остановился и взглянул в огонь.

– Мы много говорили об этом. В преданиях Джонки есть многое, о чем я никогда раньше не слышал. А я рассказал ей о способах лечения, которые известны мне. Но оба мы согласились, что твой главный лекарь – это время. Смерть, насколько мы видим, тебе не грозит. Возможно, в конце концов твой собственный организм выгонит последние остатки яда или излечит какие-то внутренние расстройства.

– Или, – добавил я тихо, – мне суждено остаться таким до конца моих дней. Если этот яд или побои окончательно повредили что-нибудь во мне. Будь проклят Регал – я уже был связан, а он все бил и бил меня ногами.

Баррич словно окаменел. Потом он опустил в кресло в тени у очага. Голос его был печальным:

– Да. Такое тоже возможно. Но разве ты не видишь, что у нас нет выбора? Я мог бы дать тебе снадобье, чтобы попытаться выгнать из тебя яд. Но если это какое-то повреждение, а не яд, такое лечение только ослабит тебя, и тогда выздоровление займет гораздо больше времени.

Он посмотрел в огонь, поднял руку и коснулся белой пряди в волосах. Не я один стал жертвой предательства Регала. Сам Баррич только что оправился от удара по черепу, который убил бы любого другого. Я знал, что много дней подряд у него кружилась голова и было расстроено зрение. При мысли об этом я почувствовал некоторые угрызения совести.

– Так что же мне делать?

Баррич вздрогнул, словно его внезапно разбудили.

– То же, что и раньше. Ждать. Есть. Отдыхать. Успокоиться. И посмотреть, что из этого выйдет. Разве так уж плохо?

Я пропустил вопрос мимо ушей.

– А если мне не станет лучше? Если судороги и припадки так и будут продолжаться?

Он долго не отвечал.

– Живи с этим. Многим приходится жить с гораздо худшими хворями. Большую часть времени ты здоров. Ты не слеп. Ты не парализован. Ты не потерял разум. Прекрати мучить себя тем, чего не можешь изменить. Почему бы тебе не подумать о том, чего ты не потерял?

– Чего я не потерял? Чего я не потерял? – Моя ярость взвилась, как стайка испуганных птиц. – Я бессилен, Баррич. Я не могу вернуться в Олений замок таким. Я бесполезен. Я хуже чем бесполезен, меня в любой момент могут убить. Если бы я мог вернуться и втоптать Регала в грязь, это имело бы какой-то смысл. А я должен буду сидеть с принцем Регалом за одним столом, быть вежливым и почтительным с человеком, собиравшимся свергнуть Верити и вдобавок убить меня. Мне невыносима даже мысль о том, что он увидит меня дрожащим от слабости и сотрясаемым судорогами. Я не желаю смотреть, как он улыбается, видя, что сделал со мной. Я не хочу быть свидетелем его триумфа. Он снова попытается убить меня. Мы оба знаем это. Может быть, он понял, что не в силах соперничать с Верити, возможно, он будет даже с уважением относиться к правлению своего старшего брата и его молодой жены. Но я сомневаюсь, что это распространится на меня. Я для него – еще одна возможность причинить боль Верити. А когда он явится ко мне, что я смогу сделать? Я, сидящий у огня, как парализованный старик, и не делающий ничего. Ничего! Все, чему меня учили, все уроки Ходд, вся грамота Федврена, даже все то, что ты объяснял мне в конюшнях! Все напрасно! Ничего этого я делать не могу. Я снова стану только бастардом, Баррич, а кто-то однажды сказал мне, что королевский бастард остается в живых, только пока он полезен. – Последние слова я практически выкрикнул.

Но даже в своей ярости и отчаянии я ничего не сказал о Чейде и моем обучении дипломатии кинжала. И в этом я тоже теперь был бессилен. Вся моя хитрость и ловкость рук, все точные способы убить человека одним прикосновением или сделать так, чтобы он умер в мучениях от смеси ядов, – все было недоступно ныне моему несчастному, разваливающемуся телу.

Баррич сидел тихо и слушал меня.

Когда воздух в моих легких и моя ярость иссякли и я сидел, задыхаясь, в постели, сжимая предательски дрожащие руки, он спокойно заговорил:

– Так. Значит, ты хочешь сказать, что мы не поедem в Олений замок.

Это ошеломило меня:

– Мы?

– Моя жизнь принадлежит человеку, который носит эту серьгу. За этим стоит длинная история, которую, возможно, я когда-нибудь расскажу тебе. Пейшенс не имела права давать эту вещь тебе. Я думал, что серьга отправилась в могилу вместе с принцем Чивэлом. Вероятно, Пейшенс думала, что это просто драгоценность, которую носил ее муж, и она вольна распоряжаться ею. Как бы то ни было, теперь ее носишь ты. Куда бы ты ни шел, я последую за тобой.

Я поднес руку к безделушке в моем ухе. Это был крошечный синий камешек, запутавшийся в серебряной паутине. Я начал расстегивать замочек.

– Не делай этого, – сказал Баррич. Голос его был тихим, но более глубоким, чем низкое рычание собаки. В нем были и угроза и приказ.

Я опустил руку, не решившись задать вопрос. Странно было, что этот человек, который воспитывал меня с самого детства, теперь отдавал свою судьбу в мои руки. Однако он сидел здесь, перед огнем, и ждал моего решения. Я смотрел на его силуэт в свете танцующего пламени. Когда-то он казался мне угрюмым великаном, темным, угрожающим, но он был для меня и надежным защитником. Теперь, может быть в первый раз, я видел в нем просто человека. Темные глаза и волосы чаще всего встречались у тех, в ком текла кровь островитян, и в этом мы, очевидно, были схожи. Но его глаза были карими, а не черными, и щеки над вьющейся бородой покраснели от ветра – черты, унаследованные от светловолосого предка. Он прихрамывал, особенно в холодные дни. Это были последствия схватки с кабаном, пытавшимся убить Чивэла. Баррич вовсе не был таким огромным, каким казался мне раньше. Если я буду продолжать расти, то, вероятно, меньше чем через год перерасту его. Не было у него и богатырских мускулов. Зато он был крепко сбит, тело его и разум всегда действовали в согласии. В Оленьем замке Баррича уважали и боялись не из-за роста, а из-за крутого и упрямого нрава. Однажды, когда я был еще очень мал, я спросил его, случалось ли ему когда-нибудь проигрывать бой. Он только что укротил норовистого молодого жеребца и успокаивал его в стойле. Баррич улыбнулся, обнажив

крупные, как у волка, зубы. Капли пота стекали по его щекам. Он ответил мне через перегородку стойла.

– Проигрывать бой? – все еще задыхаясь, спросил он. – Бой не заканчивается, пока ты его не выиграл, Фитц. Это очень просто запомнить. Независимо от того, как думает твой соперник, будь то человек или лошадь.

Я задумался тогда, был ли я тоже битвой, которую ему надлежало выиграть. Баррич часто говорил мне, что я был последним поручением, которое дал ему Чивэл. Мой отец отрекся от трона, узнав о моем существовании. Тем не менее он передал меня этому человеку и просил его заботиться обо мне. Может быть, Баррич думает, что это поручение еще не выполнено?

– А что я должен делать, по твоему мнению? – покорно спросил я.

И эти слова, и эта покорность нелегко дались мне.

– Выздоровливать, – ответил он немного погодя. – Дать себе время на выздоровление. Его нельзя ускорить.

Он посмотрел вниз, на собственные ноги, протянутые к огню. Его губы сложились в некое подобие улыбки.

– Полагаешь, мы должны вернуться? – не унимался я.

Баррич откинулся назад в кресле, положил ногу на ногу и уставился в огонь. Он долго не отвечал, но наконец произнес, почти неохотно:

– Если мы не вернемся, Регал решит, что он победил. И попытается убить Верити или по крайней мере придумает что-нибудь, чтобы отобрать корону у своего брата. Я дал обет моему королю, Фитц, так же как и ты. Сейчас это король Шрюд. А Верити – его наследник. Не думаю, что будет хорошо, если он не получит трона.

– У него есть другие слуги, гораздо полезнее меня.

– Это освобождает тебя от твоего обета?

– Ты говоришь, как священник.

– Я не спорю с тобой. Я просто задал тебе вопрос. И задам еще один. От чего ты откажешься, если решишь не возвращаться в Олений замок?

Теперь настал черед замолчать мне. Я действительно размышлял о моем короле и о том, в чем поклялся ему. Я думал о принце Верити – о его грубоватой сердечности и простоте обращения. Я вспомнил Чейда и улыбку, медленно проступавшую у него на лице, когда мне наконец

удавалось овладеть очередным кусочком тайных знаний; леди Пейшенс и ее горничную Лейси, Федврена и Ходд, даже повариху и мастерицу Хести, портниху. Было не так много людей, которым я был небезразличен, и потому они мне были еще дороже. Мне бы не хватало их всех, если бы я решил никогда больше не возвращаться в замок. И словно пламя, тлевшее до поры в горячих углях, вспыхнуло во мне воспоминание о Молли. И каким-то образом я начал говорить о ней с Барричем, а он только кивал, пока я изливал ему свою горестную историю.

Когда он наконец заговорил, то сказал только, что, по слухам, «Пчелиный бальзам» закрылся, когда владевший заведением старый пьяница умер по уши в долгах. Его дочь была вынуждена отправиться к родственникам в другой город. Он не знал точно в какой, но был уверен, что я смогу это выяснить, если захочу.

– Спроси свое сердце, прежде чем сделаешь это, Фитц, – добавил он. – Если тебе нечего предложить ей, оставь ее в покое. Калека ли ты? Только если ты сам так решишь. Но если ты убежден в том, что ты теперь инвалид, тогда, наверное, у тебя нет права искать ее. Не думаю, что тебе нужна ее жалость. Жалость – никчемная замена любви.

И потом он встал и оставил меня смотреть в огонь и размышлять.

Был ли я калекой? Потерпел ли я поражение? Тело мое дрожало, как струны плохо настроенной арфы. Это так. Но победила моя воля, а не воля Регала. Мой принц Верити все еще готов занять трон Шести Герцогств, и горная принцесса теперь стала его женой. Боюсь ли я насмешек Регала над моими дрожащими руками? Разве я не смогу смеяться в ответ? Ведь Регал никогда не станет королем. Во мне поднималось злорадное удовлетворение. Баррич был прав. Я не был побежден и мог убедиться в том, что Регал осведомлен о моей победе.

Но если я выиграл схватку с Регалом, неужели я не смогу также завоевать и Молли? Что стояло между нею и мной? Джед? Но Баррич слышал, что она покинула Баккип, а не вышла там замуж. Ушла, оставшись без копейки, чтобы жить со своими родственниками. Позор Джеду, если он позволил ей сделать это. Я стал бы ее искать, я нашел бы ее и покорила. Молли, с ее развевающимися волосами, Молли, в ярких красных юбках и плаще, смелая, как красногрудая сорока, и глаза такие же яркие. От воспоминания о ней я задрожал. Я улыбнулся про себя, а потом почувствовал, как мои губы искривились и легкая

дрожь превратилась в содрогание. Мое тело выгнулось, затылок резко ударился о кровать. Я невольно вскрикнул – невразумительный булькающий звук. В мгновение ока Джонки оказалась рядом со мной и позвала Баррича, и уже они оба держали меня за руки и ноги. Баррич всем телом навалился на меня, пытаюсь остановить судороги. И тут я потерял сознание.

Я выбирался из темноты на свет, словно поднимаясь после глубокого погружения в теплую воду. Глубина перьевой перины баюкала меня, одеяла были мягкими, я чувствовал себя в безопасности. Несколько мгновений все было тихо. Я лежал неподвижно, чувствуя себя почти хорошо.

– Фитц? – Баррич наклонился надо мной.

Мир вернулся. Я узнал себя – искромсанное жалкое существо, марионетку с перепутанными нитками, лошадь с разорванным сухожилием. Я никогда не стану прежним. Для меня нет места в этом мире, в котором я некогда обитал. Баррич сказал, что жалость – плохая замена любви. Я не хотел жалости ни от кого из них.

– Баррич.

Он наклонился ниже.

– Все было не так уж плохо, – солгал он. – Теперь тебе надо отдохнуть. Завтра...

– Завтра ты поедешь в Олений замок.

Он нахмурился:

– Давай не будем спешить. Дай себе несколько дней, чтобы оправиться, и тогда мы...

– Нет. – Я с трудом заставил себя сесть на постели. – Я принял решение. Завтра ты поедешь назад в замок. Тебя там ждут. Люди, животные. Ты нужен. Это твой дом и твой мир. Но не мой. Уже нет.

Он долго молчал.

– И что ты будешь делать?

Я покачал головой:

– Это уже не твоя забота. И ничья. Только моя.

– А как же девушка?

Я еще сильнее потряс головой:

– Она уже ухаживала за одним инвалидом и провела всю свою юность за этим занятием только для того, чтобы обнаружить, что он оставил ее в долгах. Могу ли я вернуться таким и искать ее? Могу ли я

просить ее любви, чтобы стать ей такой же обузой, какой был ее отец? Нет. Одной или замужем за другим, ей будет лучше без меня.

Мы оба долго молчали. В углу комнаты Джонки деловито готовила очередной травяной настой, который ничем не сможет помочь мне. Баррич нависал надо мной темной грозовой тучей. Я знал, как сильно ему хочется тряхнуть меня за плечи и выбить из меня это упрямство. Но он сдержался. Баррич не бил калек.

– Так, – сказал он наконец. – Значит, остается только твой король. Или ты забыл, что поклялся быть слугой короля?

– Нет, не забыл, – ответил я тихо. – И если бы верил, что я все еще слуга, то вернулся бы. Но я не слуга, Баррич. Я обуза. Я стал бесполезной пешкой, которую к тому же надо защищать. Заложник для захвата, бессильный защититься самостоятельно от кого бы то ни было. Нет. Единственное, что я еще могу сделать для короля, – это выйти из игры, прежде чем кто-нибудь другой воспользуется моей немощью, чтобы причинить вред моему государю.

Баррич отвернулся. Его силуэт едва различался в сумерках комнаты, лица его нельзя было разглядеть в слабом свете огня.

– Завтра мы поговорим... – начал он.

– Только чтобы попрощаться. Я это твердо решил, Баррич. – Я коснулся рукой серьги в моем ухе.

– Если ты остаешься, значит и я не могу уехать. – В его низком голосе была ярость.

– Нет, не так. Когда-то мой отец захотел, чтобы ты остался и вырастил для него бастарда. Теперь я говорю тебе, чтобы ты уходил и служил королю, который все еще нуждается в тебе.

– Фитц Чивэл, я не...

– Пожалуйста. – Я не знаю, что Баррич услышал в моем голосе, только он внезапно замер. – Я так устал. Так ужасно устал. Я уверен, что не смогу дожить до того, что, как все считают, я должен сделать. Я просто не доживу. – Мой голос дрожал, как у старика. – Не имеет значения, что мне следовало бы сделать. Не имеют значения мои клятвы. Во мне не осталось сил, чтобы сдержать слово. Может быть, это неправильно, но так уж оно есть. Чужие планы. Чужие цели. Никогда они не были моими. Я пытался, но... – Комната закачалась вокруг меня, как будто говорил кто-то другой и я был потрясен его

словами. Но я не мог отрицать их правдивость. – Теперь мне нужно остаться одному. Чтобы отдохнуть, – просто сказал я.

Они оба только смотрели на меня. Ни один из них не заговорил. Они вышли из комнаты медленно, словно надеясь, что я передумаю и позову их назад. Я этого не сделал.

Но, оставшись один, я позволил себе перевести дыхание. От тяжести принятого решения у меня кружилась голова. Я не вернусь в Олений замок. Но что мне делать, я не знал. Я смахнул кусочки моей разбитой жизни с игрового стола. Теперь нужно попытаться их как-то склеить, чтобы начать новую жизнь. Я начал осознавать, что у меня не осталось сомнений. Сожаление смешивалось с облегчением, но сомнений не было. Каким-то образом я понял, что должен начать новую жизнь, в которой никто не вспомнит, кем я был когда-то. Жизнь, не подчиненную ничьей воле, даже воле моего короля. Это было решено.

Я снова лег в постель и в первый раз за многие недели полностью расслабился. Прощайте, подумал я устало. Я хотел бы пожелать им всем счастливого пути, в последний раз предстать перед своим королем и увидеть его короткий одобрителный кивок, подтверждающий, что я поступил правильно. Может быть, я смог бы объяснить ему, почему не захотел вернуться. Этого не будет. Теперь все кончено.

– Простите меня, мой король, – пробормотал я.

Я смотрел в танцующее пламя, пока его вид не успокоил меня.

Глава 1

Илистая Бухта

Быть наследным принцем или принцессой – значит балансировать на канате, натянутом между ответственностью и властью. Говорят, что, официально принимая титул наследника престола, будущие венценосцы удовлетворяют свое стремление к власти и одновременно учатся пользоваться ею. Старший сын в королевской семье занимает это положение со своего шестнадцатого дня рождения. С этого дня будущий король несет полную ответственность за управление Шестью Герцогствами. Обычно он принимает на себя те обязанности, которые менее всего занимают царствующего монарха, – а таковые могут быть очень разными, в зависимости от положения в стране. При короле Шрюде принц Чивэл первым стал наследником престола. Король передал ему все дела, относящиеся к внешним границам: военные действия, торговлю и дипломатию и – как следствие – неудобства длительных путешествий и походной жизни в военных лагерях. Когда Чивэл отрекся от престола, наследником стал принц Верити, который унаследовал все тяготы неопределенности войны с островитянами и разногласий между Внутренними и Внешними герцогствами, вызванные этой войной. С каждым днем выполнять эти обязанности становилось все труднее, и в любой момент решение принца Верити могло быть отменено королем. Часто принцу приходилось разбираться с затруднениями, возникшими не по его вине, и орудие в его руки вкладывал король.

Еще менее прочной была позиция будущей королевы Кетриккен. Горское происхождение сделало ее чужой при дворе Шести Герцогств. В мирные времена ее бы, вероятно, принимали с большей терпимостью, но в год ее свадьбы в стране было неспокойно и двор в Оленьем замке кипел страстями. Красные корабли с Внешних островов, впервые после долгих лет мира, стали опустошать наши берега, уничтожая гораздо больше, чем забирали с собой. Постоянная угроза набегов, а также страх перед «перекованными» потрясли основы Шести Герцогств. Доверие к монархии было

утрачено, и Кетриккен оказалась в незавидном положении иностранки и жены нелюбимого наследника.

Во Внутренних герцогствах росло недовольство налогами, собираемыми для защиты берегов, которые не имели к ним никакого отношения, и двор Оленьего замка тоже раскололся на два враждебных лагеря. Прибрежные герцогства требовали военных кораблей, солдат и эффективных действий в борьбе с пиратами, которые всегда наносили удар там, где их меньше всего ожидали. Принц Регал, чья юность прошла в глубине страны, надеялся собрать недовольных под свое крыло и улещивал Внутренние герцогства подарками и послаблениями. Наследник Верити, убедившись, что Силы уже недостаточно, чтобы удержат пиратов, занялся постройкой боевых кораблей для защиты Прибрежных герцогств и уделял мало внимания своей королеве. И над всем этим, словно огромный паук, скорчился король Шрюд, пытаясь удержать власть, разделенную между ним и его сыновьями, и сохранить все в равновесии, не дав Шести Герцогствам распасться.

Я проснулся оттого, что кто-то коснулся моего лба. Раздраженно заворчав, я мотнул головой. Одежда была скомканы; я с трудом высвободился и сел, чтобы посмотреть, кто посмел беспокоить меня. Шут короля Шрюда беспокойно ерзал на стуле рядом со мной. Я дико уставился на него, и он отпрянул от моего взгляда. Беспокойство охватило меня.

Шут должен был быть в Оленьем замке, рядом с королем, за много миль и дней пути отсюда. Я никогда не слышал, чтобы он оставлял свое место подле короля больше чем на несколько часов ночного отдыха. Его появление здесь не предвещало ничего хорошего. Шут был моим другом – насколько этот в высшей степени странный человек вообще мог быть чьим-нибудь другом. Но он всегда приходил ко мне по какой-нибудь причине, и эта причина редко бывала приятной или обыденной.

Он выглядел усталым, как никогда прежде. На нем был незнакомый шутовской наряд из зеленых и красных лоскутов, а в руках он держал шутовской же скипетр с крысиной головой. Яркая одежда сильно контрастировала с его бесцветной кожей. Из-за нее шут казался полупрозрачной свечкой, оплетенной остролистом. Его одежда

выглядела более вещественной, чем он сам. Его тонкие светлые волосы струились из-под колпака, как волосы утопленника в море, а танцующие языки пламени очага отражались в его глазах. Я потер свои слипающиеся глаза и откинул волосы со лба. Они были влажными: во сне я вспотел.

– Привет, – с трудом выдавил я. – Не ожидал увидеть тебя здесь. – Во рту у меня пересохло, язык, казалось, распух. Я болен, вспомнил я. Все было как в тумане.

– А где еще? – он скорбно посмотрел на меня. – Чем больше вы спите, тем менее отдохнувшим выглядите. Ложитесь, мой лорд, позвольте мне устроить вас поудобнее.

Он хлопотливо начал взбивать мои подушки, но я жестом остановил его. Что-то тут было не так. Шут никогда не разговаривал со мной столь почтительно. Друзьями мы были, но его слова, обращенные ко мне, всегда были обманчивыми, как кислое недозрелое яблоко. Если эта внезапная доброта была проявлением жалости, мне она не нужна.

Я посмотрел вниз, на свою расшитую ночную рубашку, на богатое покрывало. Что-то показалось мне странным. Но сил, чтобы ломать голову, не было.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я шута.

Он тяжело вздохнул:

– Я ухаживаю за вами. Присматриваю за вами, когда вы спите. Я знаю, вы считаете, что это глупо, но я ведь и есть дурак. Так что я должен быть глупым. И все-таки вы задаете мне один и тот же вопрос каждый раз, когда просыпаетесь. Позвольте тогда предложить кое-что поумнее. Я умоляю вас, мой лорд, позвольте мне послать за другим целителем.

Я откинулся на подушки. Они были влажными от пота. Я знал, что могу попросить шута сменить их и он бы это сделал, но в любом случае я вспотею снова. Это бесполезно. Я вцепился в свое одеяло узловатыми пальцами и прямо спросил его:

– Почему ты пришел сюда?

Он взял мою руку в свою и погладил ее:

– Мой лорд, я не доверяю вашей внезапной слабости. По-видимому, лекарства этого целителя совершенно не помогают вам. Я боюсь, что он знает гораздо меньше, чем думают люди.

– Баррич? – спросил я недоверчиво.

– Баррич? Если бы он был здесь, мой лорд! Может быть, он и простой конюший, но я уверяю вас, что он гораздо больше целитель, чем этот Волзед, который перекармливает вас лекарствами и вгоняет в пот.

– Волзед? Баррича тут нет?

Лицо шута помрачнело:

– Нет, мой король. Он в горах, вы же прекрасно знаете.

– Твой король, – сказал я и попытался засмеяться. – Какая насмешка!

– Что вы, мой лорд, – сказал он мягко, – что вы!

Его нежность смутила меня. Это был не тот шут, которого я знал, полный насмешек и загадок, хитрых укулов, каламбуров, искусных оскорблений. Я внезапно почувствовал себя растянутым, как старая веревка, и таким же потрепанным. Тем не менее я попытался сложить два и два.

– Значит, я в Оленьем замке?

Он медленно кивнул.

– Конечно, – огорченно сжал губы он.

Я молчал, пытаюсь постичь всю глубину предательства. Каким-то образом меня вернули в замок. Против моей воли. И даже не посчитали нужным, чтобы Баррич сопровождал меня.

– Позвольте мне дать вам немного еды, – взмолился шут, – вы всегда чувствуете себя лучше после того, как поедите. – Он встал. – Я принес ее наверх много часов назад. Держал ее у очага, чтобы не остыла.

Я устало проводил его взглядом. У большого очага он нагнулся, чтобы взять закрытую кастрюлю. Поднял крышку, и я ощутил запах жирной тушеной говядины. Он начал накладывать мясо в тарелку. Прошли многие месяцы с тех пор, как я в последний раз пробовал говядину. В горах ели только оленину, баранину и козлятину. Я устало оглядывал комнату. Тяжелые гобелены, массивные деревянные кресла. Тяжелые камни очага, богатая драпировка кровати. Я знал это место. Королевская опочивальня в Оленьем замке. Почему я здесь, в королевской постели? Я попытался спросить шута, но кто-то другой заговорил моими губами:

– Я слишком много знаю, шут. Я больше не могу удерживать в себе это знание. Иногда кажется, будто кто-то контролирует мою волю и заставляет меня думать о том, чего я предпочел бы не касаться. Мои стены пробиты. Все это поднимается во мне, подобно приливу...

Я глубоко вздохнул, но не мог выдохнуть. Сперва в ушах у меня зазвенело, потом я словно погрузился в медленный поток холодной воды.

– Новый прилив, – выдохнул я. – Прилив. – Я задышался. – Несет корабли. Корабли с красными киями...

Глаза шута тревожно расширились:

– В это время года, ваше величество? Конечно же нет. Не зимой!

Мою грудь сдавило, я задышался. Я с трудом заговорил:

– Зима наступает слишком мягко. Она избавила нас и от штормов, и от своей защиты. Смотри. Смотри туда, на воду! Видишь? Они приближаются. Они идут из тумана. – Я поднял руку, чтобы показать ему.

Шут поспешно подошел и встал рядом со мной. Он наклонился и посмотрел туда, куда я показывал, но я знал, что он не может ничего увидеть. Тем не менее он преданно положил руку на мое плечо и вглядывался, как будто мог силой воли преодолеть стены и мили, разделявшие его и мое видение. А я мечтал быть таким же слепым, как он. Я схватил бледную руку с длинными пальцами, лежащую на моем плече. На мгновение я увидел свою иссохшую ладонь и королевский перстень с печаткой, надетый на костлявый палец с распухшим суставом. Потом мой ленивый взгляд оторвался от руки, и видение унесло меня с собой.

Рука моя теперь указывала на тихую гавань. Я попытался приподняться, чтобы увидеть больше. Темный город расстилался передо мной, как лоскутное одеяло из домов и дорог. Туман лежал в низинах и сгущался над заливом, и я подумал, что это к перемене погоды. Что-то пронеслось в воздухе, остудив влажную от пота кожу, и я задрожал. Несмотря на темную ночь и туман, я все прекрасно видел. «Это Сила, – сказал я себе и задумался. – Я не владею Силой – во всяком случае, не могу контролировать ее».

Но пока я смотрел, два корабля вынырнули из тумана и вошли в спящую гавань. Я забыл о том, что я мог или чего не мог делать. Они были гладкими и красивыми, эти корабли, и, хотя при лунном свете

они казались черными, я знал, какого цвета их кили. Пираты красных кораблей с Внешних островов. Корабли резали защищенные воды бухты, как тонкое лезвие испарывает свиное брюхо. Весла двигались бесшумно и слаженно. Уключины были обмотаны тряпками, чтобы глушить скрип. Корабли двигались вдоль пристаней бесстрашно, как честные купцы, прибывшие торговать. С первого корабля легко соскочил матрос с линем, чтобы пришвартоваться. Пират не подпускал корабль к пристани, пока ему не сбросили и кормовой линь, который матрос тоже закрепил. И все это с таким бесстыдным спокойствием! Второй корабль последовал примеру первого. Страшные красные корабли вошли в город, наглые, как чайки, и пришвартовались у родной пристани своих будущих жертв.

Ни один часовой не вскрикнул. Ни один наблюдатель не подул в рог и не бросил факел в приготовленную кучу дров, чтобы зажечь сигнальный огонь. Я огляделся, и все тут же прояснилось. Их безжизненные тела лежали на сторожевых постах. Прекрасная серая одежда домашней вязки превратилась в красную, впитав кровь из их перерезанных глоток. Убийцы подошли тихо, по суше, хорошо зная расположение всех постов. И все часовые умолкли навеки. Некому было предупредить спящий город.

Наблюдателей было не так много. Не таким уж значительным был этот городок – он не заслужил даже точки на карте. Жители рассчитывали на то, что это защитит их от набегов. Они стригли хорошую шерсть и пряли добротную пряжу, это верно. Вылавливали и коптили лосося, который водился в реке, и яблоки здесь были маленькими, но сладкими, и из них получалось доброе вино. К западу от города была колония съедобных моллюсков. Вот и все богатства Иистой Бухты – не так уж много, но достаточно для того, чтобы здешние люди ценили свою жизнь. Во всяком случае, город точно не стоил того, чтобы пройти по нему с огнем и мечом. Какой человек в здравом уме сочтет бочку яблочного вина или копченого лосося достойными пиратского набега?

Но красные корабли приходили не за товарами и не за деньгами. Им не нужны были ни племенные стада, ни даже красивые женщины, которых можно взять в жены, ни юноши, которых можно посадить за весла на галерах. Густошерстные овцы будут изувечены и убиты, копченый лосось раздавлен грязными сапогами, склады шерсти

сожжены, винные погреба разгромлены. Пираты возьмут заложников, да, но только для того, чтобы «перековать» их. Магия «перековки» лишит несчастных всех человеческих чувств и оставит им только мысли о еде. Пираты не станут удерживать их у себя, а бросят здесь, чтобы их страшная немощ заставила страдать тех, кто любил изувеченных и называл родными. Потерявшие человеческий облик «перекованные» будут опустошать родной город безжалостно, как росوماхи. Это было самое жестокое оружие островитян: превращение наших близких в «перекованных», которые будут охотиться на свою же родню. Я уже знал об этом. Видел последствия других набегов.

И теперь мне оставалось только смотреть, как накатывает смертельная волна, чтобы поглотить маленькое селение. Островные пираты спрыгивали с корабля на пристань и наводняли улицы. Они безмолвно шли по городку, разделившись на группы по двое или по трое, смертоносные, как растворяющийся в вине яд. Те из островитян, что остались на пристани, обыскивали корабли, привязанные к причалу. В основном это были маленькие открытые плоскодонки, но было еще два рыболовных судна и одно торговое. Их команды постигла быстрая смерть. Неистовое сопротивление моряков было тщетным, как истошное кудахтанье домашней птицы, когда ласка залезает в курятник. Я слышал отчаянные голоса гибнущих матросов, полные муки. Плотный туман жадно глотал их крики, превращая предсмертные вопли людей в стоны морских птиц. Потом корабли были презрительно преданы огню – никто даже не подумал забрать их в качестве трофея. Эти пираты никогда не брали настоящей добычи. Может быть, горсть монет, если их легко было найти, или ожерелье с тела изнасилованной и убитой женщины – но не более того.

Я не мог ничего сделать – только смотрел. Я тяжело закашлялся, потом обрел дыхание и заговорил...

– Если бы только я мог понять их... – сказал я шуту. – Если бы только я знал, чего они хотят! Нет никакого смысла в том, что делают пираты красных кораблей. Как можем мы сражаться с ними, если не знаем причины, по которой они воюют?

– Они – часть безумия того, кто управляет ими. Их можно понять, только разделив их безумие. Лично у меня нет такого желания. Понять их – не значит остановить.

– Нет...

Нет, мне не хотелось смотреть на город. Я видел этот кошмар слишком часто. Но только бессердечный человек смог бы отмахнуться от него, как от плохого кукольного представления. Самое малое, что я мог сделать для своего народа, это смотреть, как люди умирают. И в то же время это было самое большее, что я мог сделать для него. Я был больным, искалеченным и очень старым. Ничего большего от меня нельзя было и ожидать. Так что я лишь наблюдал.

Я смотрел, как маленький город просыпается от сладкого сна только для того, чтобы почувствовать грубую руку на горле или на груди, чтобы увидеть нож, занесенный над колыбелью, или услышать отчаянный крик разбуженного ребенка. Огни замерцали и начали разгораться повсюду. В одних местах зажигались свечи при крике соседа, в других факелами пылали подоженные дома. Хотя красные корабли истязали Шесть Герцогств уже больше года, для этих людей кошмар стал реальностью только сегодня ночью. Они думали, что готовы. Они слышали ужасные истории и решили, что никогда не допустят подобного. И все-таки здания горели и крики поднимались к ночному небу, словно рожденные дымом.

– Говори, шут, – приказал я хрипло, – вспоминай будущее для меня. Что говорят об Илистой Бухте? О зимнем набеге на городок Илистая Бухта?

Он прерывисто вздохнул.

– Это непонятно, неясно... – он медлил. – Все колеблется, все меняется. Слишком многое в движении, ваше величество. Будущее разливается там во всех направлениях.

– Рассказывай все, что видишь.

– Они сложили песню об этом городе, – глухо проговорил шут.

Он все еще сжимал мое плечо. Даже сквозь ночную рубашку я чувствовал, какими холодными были его длинные сильные пальцы. Дрожь пробежала по его телу, и я почувствовал, как трудно ему стоять возле меня.

– Когда ее поют в таверне и стучат по столу кружками с элем, все это кажется не таким ужасным. Можно вообразить, какое храброе сопротивление оказывали эти люди, – они сражались, а не сдавались. Ни один человек не был взят живым и «перекован», ни один. – Шут замолчал. Он пытался скрыть надрыв, звучащий в его словах, пытался говорить мягко. – Конечно, когда вы пьете и поете, вы не видите крови

и не чувствуете запаха горящей плоти. И не слышите крика. Но это понятно. А вы пытались когда-нибудь найти рифму к словам «разорванный ребенок»? Кто-то когда-то попробовал «дарованный котенок», но вышло не очень-то складно.

Ничего веселого не было в его шутке. Эти горькие насмешки не могли обмануть ни его, ни меня. Он снова замолчал. Мой пленник был обречен разделять со мной мое горькое знание.

Я молча наблюдал. Никакие стихи не могут выразить страдания матери, запикивающей в рот ребенка отравленную конфетку, чтобы уберечь его от пиратов. Никто не может рассказать о криках детей, которые корчатся в предсмертных судорогах от жестокого яда, или о мучениях женщин, которых безжалостно насилуют. Ни стихи, ни мелодия не могут вынести тяжести рассказа о лучниках, самые верные стрелы которых убивали захваченных в плен родственников, прежде чем их успевали утащить на корабли. Я заглянул внутрь горящего дома. Сквозь языки пламени я видел десятилетнего мальчика, который подставил свое горло под удар материнского ножа. Перед тем он задушил младшую сестренку, потому что пришли красные корабли и ни один любящий брат не отдал бы ее ни пиратам, ни прожорливому пламени. Я видел глаза матери, когда она, прижав к себе тела детей, бросилась в огонь. Такие вещи лучше не запоминать. Но я не мог избавиться от этого знания. Это был мой долг – знать и помнить.

Не все погибли. Некоторые бежали в окрестные поля и леса. Я видел, как один молодой человек, схватив четверых детей, укрылся под доками и цеплялся за обросшие ракушками балки, по горло в ледяной воде, пока пираты не уйдут. Другие пытались спастись, но были убиты. Я видел, как женщина в ночной рубашке выскользнула из дома. Языки пламени уже бежали по его стене. Одного ребенка она несла на руках, второй бежал за ней, держась за подол. Даже в темноте ее волосы блестели в отблесках пламени. Она в страхе озиралась по сторонам, но длинный нож в ее свободной руке был наготове. Я успел заметить маленький сжатый рот и злые суженные глаза. Потом на мгновение я увидел гордый профиль, освещенный огнем.

«Молли!» – задохнулся я и протянул к ней скрюченную руку. Она подняла дверцу и пихнула детей в погреб за горящим домом, бесшумно прикрыла дверь. Спасена?

Нет. Они вышли из-за угла. Двое. Мужчина и женщина. У мужчины был топор. Они шли медленно, вразвалку, громко смеялись. На их лицах, перепачканных сажей, страшно сверкали зубы и белки глаз. Женщина была очень красивая, оглушительно хохотала. Бесстрашная. В ее волосы была вплетена серебряная проволока. Красные отблески пламени искрились на блестящей нити. Пираты подошли к дверце погребца, и мужчина взмахнул топором, который, описав широкую дугу, глубоко вошел в дерево. Я услышал испуганный крик ребенка.

«Молли!» – вырвалось у меня. Я скатился с кровати, но сил встать не было. Я пополз к ней.

Дверца подалась, и пираты засмеялись. Мужчина так и умер смеясь, когда Молли выпрыгнула из погребца и воткнула свой длинный нож ему в глотку. Но у красивой женщины со сверкающим серебром в волосах был меч. Молли попыталась было вытащить свой нож из тела умирающего, а этот меч опускался, опускался, опускался...

В это мгновение в горящем доме что-то с угрожающим треском рухнуло. Здание закачалось и обвалилось, рассыпав водопады искр, пламя с ревом рванулось к небесам. Завеса огня заслонила от меня погреб. Я не мог ничего разглядеть сквозь этот огненный ад. Упал ли дом на дверь погребца и нападающих пиратов? Я не видел. Я рванулся вперед, протягивая руки к Молли.

Но в одно короткое мгновение все исчезло. Не было ни горящего дома, ни разграбленного города, ни разрушенной гавани, ни красных кораблей. Только я сам, скорчившийся у очага. Я сунул руку в огонь, и мои пальцы сжали уголь. Шут закричал и схватил меня за запястье. Я стряхнул его руку и тупо смотрел на свои обожженные пальцы.

– Мой король! – горестно промолвил шут.

Он опустился подле меня на колени и осторожно отодвинул кастрюлю с супом от моих ног. Смочил салфетку в вине, которое было налито для меня, и покрыл ею мои безвольные пальцы. Я не чувствовал боли ожога, только глубокую рану в моем сердце. Шут печально смотрел мне в глаза. Я едва видел его. Он казался бестелесным, когда отблески пламени отражались в его бесцветных глазах. Тень, как и все прочие тени, которые пришли терзать меня.

Обгоревшие пальцы внезапно заболели. Я стиснул их другой рукой. Что я делал, о чем думал? Сила внезапно проявилась во мне, сильная, как припадок, и исчезла, оставив меня опустошенным. Нахлынувшая

усталость заполнила меня, и боль управляла ею, как послушной лошастью. Я пытался вспомнить увиденное.

– Что это была за женщина? Она что-то значит?

– А... – Шут теперь выглядел еще более усталым, но пытался держаться. – Женщина в Илистой Бухте? – Он помолчал, как бы копаясь в памяти. – Нет. У меня ничего нет. Все это так запутанно, мой король. Так трудно понять...

– У Молли нет детей, – сказал я ему. – Это не могли быть ее дети.

– Молли?

– Ее зовут Молли? – спросил я. В голове у меня стучало. Внезапно ярость овладела мною. – Почему ты так мучаешь меня?

– Мой лорд, я не знаю никакой Молли. Пойдемте, вернитесь в вашу постель, а я принесу вам немного поесть.

Он помог мне встать на ноги, и я принял его помощь. Я снова обрел голос. Я плыл. Взгляд мой то фокусировался, то снова затуманивался. В одно мгновение я ощущал руку шута на своей, а в следующее казалось, что я вижу во сне эту комнату и этого человека рядом со мной. Я с трудом заговорил:

– Я должен знать, была ли это Молли. Я должен помочь ей, если она умирает. Шут, я должен знать.

Шут тяжело вздохнул:

– Я не властен над этим, мой король, вы же понимаете. Мои видения, как и ваши, управляют мной, а не наоборот. Я не могу вытянуть нить из гобелена, я только смотрю туда, куда направлен мой взгляд. Будущее, мой король, подобно течению реки. Я не могу сказать вам, куда движется одна капля воды, но могу понять, где течение сильнее всего.

– Женщина в Илистой Бухте, – настаивал я. Часть меня жалела моего бедного шута, но другая часть была непреклонна. – Я не видел бы ее так отчетливо, если бы она не имела для меня значения. Попробайся. Кто она?

– Она очень важна для вас?

– Да. Я в этом уверен. О да.

Шут сел на пол, скрестив ноги. Он приложил ко лбу свои длинные тонкие пальцы и сжал их, словно пытаюсь открыть дверь.

– Я не знаю. Я не понимаю... Все запутанно, везде перекрестки. Запахи слишком слабы... – Он посмотрел на меня.

Почему-то получилось так, что я стоял, а он сидел на полу у моих ног, глядя на меня бесцветными глазами на вытянутом лице. Глупо улыбаясь, он раскачивался от напряжения. Он рассматривал свой крысиный скипетр, поднеся его к самому носу:

– Ты знаешь такую Молли, Крысик? Нет? Не думаю, что ты можешь ее знать. Может быть, ему лучше спросить кого-нибудь еще, кто знает. Может быть, червей. – Он глупо захихикал.

Беспольное создание. Глупый утешитель, изъясняющийся загадками. Что ж, он не виноват в том, что он такой. Я оставил его и медленно вернулся к постели, сел на край ее.

Я обнаружил, что дрожу как в лихорадке. «Припадок», – сказал я себе. Надо успокоиться, иначе будет припадок. Хочу ли я, чтобы шут увидел, как я задыхаюсь в судорогах? Мне было все равно. Ничто не имело значения, кроме того, была ли в Илистой Бухте моя Молли. Я должен был знать. Я должен был это знать, умерла она или выжила; если умерла, то как?

Шут скорчился на полу, как бледная жаба. Он облизал губы и улыбнулся мне. Боль иногда может вызвать у человека такую улыбку.

– Это очень радостная песня, которую они поют в Илистой Бухте, – заявил он. – Триумфальная песня. Видите ли, горожане победили. Они не отвоевали свою жизнь, нет, – но получили достойную смерть. Во всяком случае, это была смерть, а не «перековка». Это хоть что-то. Что-то, о чем можно слагать песни и за что можно держаться. Вот как оно сейчас в Шести Герцогствах. Мы убиваем своих близких, чтобы этого не могли сделать пираты, а потом слагаем об этом победные песни. Поразительно, в чем люди могут находить утешение, когда больше не на что надеяться.

Мое видение начало расплываться. Я внезапно понял, что это сон.

– Я даже не здесь, – слабым голосом сказал я. – Это сон. Мне снится, что я король Шрюд.

Он поднес свою бледную руку к огню, рассматривая косточки, просвечивающие сквозь прозрачную кожу.

– Если вы так говорите, господин мой, значит это так. Значит, мне тоже снится, что вы король Шрюд. Если я ущипну вас, – может быть, я проснусь?

Я посмотрел вниз, на свои руки. Они были старые и покрытые шрамами. Я сжал кулаки и смотрел, как вены вздуваются под